

А. М. НЕКРИЧ

ПОЛИТИКА АНГЛИИ В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

Исследователь, изучающий историю Англии во время второй мировой войны, сталкивается с большими трудностями. На первый взгляд дело обстоит как будто благополучно — количество опубликованных материалов поистине колоссально. Однако первоисточников (мы имеем в виду документы), доступных историкам, во всяком случае советским, все же сравнительно мало, особенно по вопросам внешней политики. В самом деле, официальная публикация документов по внешней политике Великобритании обрывается на начале сентября 1939 г. и, по-видимому, продолжение ее ожидается нескоро. Не случайно поэтому в английской литературе, посвященной второй мировой войне, работ по внешнеполитическим проблемам гораздо меньше, чем по отдельным аспектам внутренней политики, гражданской и военной истории Англии. Гражданская и военная серии истории Англии периода второй мировой войны содержат представляющие серьезный интерес извлечения из архивных документов. И все-таки до сих пор в Англии не было выпущено ни одной обобщающей работы по истории страны во время второй мировой войны.

Многочисленные мемуары английских политических и военных руководителей, дипломатов сообщают нам много примечательных фактов, однако историки хорошо знают, насколько субъективны отбор фактов в мемуарах и их интерпретация.

Тем не менее следует попытаться, используя доступные материалы, нарисовать объективную картину истории Англии во время минувшей войны. Такая удачная в целом, в рамках книги, посвященной всему периоду новейшей истории Англии, попытка уже была предпринята¹.

Кажется все согласны с тем, что первый период войны — с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. — наиболее сложен для изучения. Оценка первых восьми месяцев войны — с сентября 1939 г. по май 1940 г. (т. е. то, что принято называть «странной войной») вызывает, как известно, споры среди историков. Любопытно, что за последнее время точки зрения советских и английских историков о хронологических рамках первого периода войны совпадают. Об этом свидетельствует вышедший в 1957 г. второй том «Большой стратегии», принадлежащий перу английского историка Дж. Батлера². Том охватывает события с начала войны до июня 1941 г. Это по существу не что иное, как признание того факта, что вступление Советского Союза в войну означало переход к ее новой стадии, качественно отличной от начального этапа. Однако имеются серьезные разногласия в

¹ В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 307—429.

² J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957 (русс. перевод: Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959).

периодизации дальнейших этапов войны. Но так как данная статья не выходит за рамки начального периода войны, то мы и не будем здесь затрагивать этого вопроса.

Споры о характеристике войны до апреля—мая 1940 г. выходят далеко за пределы истории Англии или какой-либо другой страны, они касаются войны в целом. Для английской истории этот период был также весьма своеобразен и заслуживает тщательного изучения.

Автор не ставил перед собой задачу проанализировать в рамках данной статьи все наиболее важные проблемы истории Англии указанного времени. В статье не рассматривается подробно существенный вопрос о роли народных масс в национальном сплочении. Эта тема бесспорно нуждается в отдельном освещении.

Автор ограничивает свою задачу рассмотрением следующих вопросов: особенности политики «странной войны» (экономическое наступление, экономическая блокада); борьба в правящих кругах по вопросу ведения войны падение кабинета Н. Чемберлена.

* * *

Впервые со времен Наполеона английский народ столкнулся с реальной угрозой чужеземного нашествия. Эту опасность ощутило в конечном счете огромное большинство англичан. Осознание страшной угрозы пришло не сразу. Тот, кто в 1935 г. говорил, читая сообщения о введении в Германии воинской повинности: «Ну что ж, это их право», при захвате Рейнской области — «В конце концов это немецкая территория», при оккупации Австрии — «Австрийцы это те же немцы» (наивно полагая, что языковая общность определяет национальную принадлежность), почувствовал большую тревогу во время чехословацкого кризиса 1938 г. Ведь чехов никак нельзя было назвать немцами. Мюнхен заставил задуматься многих даже тех, кто рукоплескал Чемберлену, утверждавшему, что он привез английскому народу «мир в наше время».

Но подлинный психологический перелом, который был подготовлен всеми предыдущими событиями, произошел после марта 1939 г. Трудящиеся Англии осознали угрозу раньше, чем поняла ее (впрочем, трудно определить, насколько полно) группа законсервированных в своих классовых и антисоветских предрассудках консервативных политиков, стоявших у власти.

Важно иметь в виду, что внутривнутриполитическое положение в Англии в канун войны было достаточно устойчивым и резко отличалось от того сложного и опасного положения, в котором оказалась Франция перед германским вторжением. Дело в том, что ничтожная группа фашиствующих хулиганов Мосли не играла существенной роли. Действительная опасность могла исходить от некоторых профашистски настроенных монополистических кругов, известных до войны своей вредоносной деятельностью в «Англо-германском содружестве» и организации «Линк», от реакционных кругов и т. п. Практически, однако, наибольший ущерб могла нанести группа Чемберлена — Саймона — Хора, которая проводила политику «невмешательства» до войны, а перед войной сорвала переговоры с Советским Союзом о пакте взаимной помощи. События, как известно, опрокинули их планы и расчеты, в том числе и антисоветские замыслы.

Упомянутая группа консервативных политиков была неспособна энергично бороться против гитлеровской Германии. Это и неудивительно, ибо для многих из них начавшаяся война была скорее досадным недоразумением, происшедшим из-за коварства и неумейной алчности Адольфа Гитлера, нежели выражением кризиса капиталистического мира. Такое восприятие событий приводило их к потере чувства реальности, к крупным ошибкам в политике и стратегии войны, которые стоили Англии Дюнкерка и поставили ее на грань катастрофы.

Стратегические установки были выработаны в Англии накануне войны. В них нашли отражение традиционные взгляды английских политических и военных руководителей на ведение войны в Европе совместно с Францией против Германии.

Во время переговоров между военными штабами Англии и Франции в апреле 1939 г. было решено, что война в начальной стадии будет носить со стороны англо-французских союзников оборонительный характер. Английские и французские стратеги обосновывали необходимость оборонительных действий временным превосходством Германии и ее союзников на суше и в воздухе и считали, что только в 1942 г. Англия полностью развернет свои сухопутные вооруженные силы и военную авиацию. Такая точка зрения доминировала на всем протяжении первого периода войны. Важнейшей особенностью ведения войны в эти месяцы был отказ от использования военно-воздушных сил союзников для нанесения ударов по стратегическим и военно-промышленным центрам, главным коммуникациям и жизненным артериям противника. Французский генштаб обосновывал свои требования «перемирия» в воздухе опасениями, что в ответ германская авиация подвергнет уничтожающей бомбардировке Францию. Гитлеровской Германии такого рода установка была в высшей степени выгодна особенно в самом начале войны, когда германская авиация была занята в Польше. По поводу «перемирия» в воздухе видный деятель консервативной партии Леонард Эмери прямо замечает в своих мемуарах: «Существовала концепция, что война в связи с перемирием в воздухе должна вестись на безопасном расстоянии от Франции и Англии — своего рода современная славная Крымская война»³.

В такой с первого взгляда бессмысленной и порочной стратегии таился, однако, коварный замысел. Он заключался не только в расчете на то, что после разгрома Польши германские армии пойдут дальше на восток и между Советским Союзом и Германией произойдет, наконец, долгожданное для империалистов кровавое столкновение, но также и в том, чтобы не доводить на Западе дела до настоящих боев, пока существует хоть какая-нибудь надежда на возможность сговора с фашистской Германией.

В то время как союзники и пальцем не шевелили, чтобы оказать поддержку Польше, английская буржуазная печать вводила в заблуждение общественность, представляя дело таким образом, будто английская авиация помогает полякам. Вот типичный номер «Times» в эти дни⁴. Заголовок: «Тяжелые бои в Польше». «Немцы утверждают, что они заняли Краков». Затем шел броский подзаголовок: «Английская авиация снова над Германией» (сообщение министерства информации). Прочитав этот подзаголовок, можно было заключить, что речь идет об активных воздушных операциях против Германии. На самом же деле в сообщении говорилось лишь о том, что английские летчики сбросили над германской территорией листовки. В том же номере газеты сообщалось о предстоящем подписании соглашения о предоставлении кредита Польше. Подобные сообщения должны были создать у читателя впечатление, будто Польше оказывается действенная помощь.

В официальном английском документе предвоенного периода было записано: «Судьба Польши будет зависеть от окончательного исхода войны, а это, в свою очередь, будет зависеть от нашей способности добиться в конечном счете поражения Германии, а не от того, смогут ли западные державы ослабить давление (Германии. — А. Н.) на Польшу в самом начале»⁵. Таким образом, судьба Польши была предрешена. Тем более неприглядным выглядело поведение правящих кругов Англии и Франции, втайне

³ L. S. Amery. My Political Life, vol. III. London, 1955, p. 345.

⁴ «The Times», 7.IX.1939.

⁵ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II, p. 12.

поддерживавших во время англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г. пилсудчиков, которые выступали против помощи Польше со стороны Красной Армии.

Политика Англии и Франции во время советско-финской войны 1939—1940 гг. решительно убеждает в том, что вплоть до страшного пробуждения в апреле 1940 г. англо-французское руководство не оставило мысли изменить течение войны, превратить «странную войну» против Германии в войну против Советского Союза, а самим использовать все выгоды создавшегося положения.

Против яростной антисоветской кампании, инспирированной реакционными кругами, смело выступила передовая часть рабочего класса Англии во главе с коммунистической партией. Лучшие представители интеллигенции протестовали против антисоветских провокаций и поддержки белофиннов⁶. Кампания в защиту Советского Союза проходила под лозунгом «Руки прочь от Советского Союза!». Этот лозунг напоминал о славных революционных традициях английского рабочего класса, боровшегося с интервенцией империалистов, организованной против молодой республики Советов. Он предостерегал трудящихся о том, что империалисты не отказались от своих антисоветских интервенционистских планов. Но реакционным кругам не удалось осуществить антисоветские замыслы. История сулила другое.

В соответствии с принятыми стратегическими установками главнокомандующий англо-французскими войсками генерал Гамелен заверил 4 сентября 1939 г. своих английских союзников, что вскоре после сосредоточения французских армий он начнет наступление с целью приближения к линии Зигфрида. И действительно к исходу 11 сентября французские соединения заняли позиции вблизи германских укреплений. На следующий день Верховный совет союзников согласился с мнением Гамелена, что в дальнейшем следует ограничиться незначительными по масштабам военными действиями, но не бросать армию союзников против главных оборонительных позиций врага. Во время обсуждения этого вопроса Верховным советом союзников 12 сентября английские представители одобрили действия Гамелена, добавив при этом: «Мы боялись, что Вы втянетесь в авантюру»⁷. Как видно, обе стороны придерживались одинаковых стратегических установок: ни в коем случае не наступать.

С середины октября 1939 г., когда немцы рядом атак заставили французские войска возвратиться непосредственно к позициям, прикрывавшим линию Мажино, на Западном фронте воцарилось затишье, которое продолжалось до тех пор, пока германская армия, использовавшая с успехом эти полгода для подготовки решающего наступления на Западе, не начала 10 мая 1940 г. генеральное наступление.

Фельдмаршал Монтгомери замечает в своих мемуарах: «Франция и Британия не шелохнулись, когда Германия поглотила Польшу. Мы продолжали бездействовать даже тогда, когда германские армии перебрасывались на Запад с совершенно очевидной целью атаковать нас! Мы терпеливо ожидали, пока на нас нападут, и на протяжении всего этого периода время от времени бомбили Германию листовками. Я не понимал, была ли это война.

Хорошо помню визит Невилля Чемберлена в мою дивизию. Это было 16 декабря 1939 г. После завтрака он отвел меня в сторону и сказал мне так тихо, чтобы никто не мог нас услышать: «Я не думаю, чтобы немцы имели какое-либо намерение атаковать нас»⁸.

Похоже на то, что руководитель английского военного кабинета все больше принимал желаемое за действительное. Обработка общественного

⁶ См. В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии, стр. 318—319.

⁷ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II, p. 20; «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», t. II. Paris, 1947, p. 415.

⁸ B. Montgomery. The Memoirs. London, 1958, p. 58.

мнения, неустанно проводившаяся органами пропаганды, захватила, по-видимому, и его самого! На головы англичан, по словам английского историка Брайанта, обрушивался ураган пропагандистских материалов. «Непрерывный поток оптимистической пропаганды, передаваемой правительством через подцензурную прессу, скрывал от народа любую тревожную или обескураживающую новость... Газеты были полны сведений о превосходно снаряженных экспедиционных силах... о французских армиях, впервые с наполеоновских времен сражающихся на германской земле и осуществляющих под водительством великого военного гения Гамелена процесс бескровного и научного, медленного, но безостановочного вгрызания в линию Зигфрида. В противоположность этому о немцах говорили, как о безрассудных дилетантах, которые понесли огромные потери во время своего наступления в Польше, отмечали, что их внутреннее положение становится все более отчаянным из-за нехватки нефти и отсутствия заморской торговли»⁹.

Один из главных аргументов политических руководителей Англии в пользу ведения «странной войны» заключался в том, что основным оружием борьбы против Германии должно быть экономическое наступление, в результате которого Германию как страну с весьма напряженной экономической системой удастся «убедить», что ей не по силам выиграть начатую войну. Предполагалось, что результатом будут персональные изменения в руководстве рейхом, на смену «экстремистам» придут «умеренные», с которыми можно будет прийти к полюбовному соглашению. Таков был, разумеется грубо схематичный, ход мыслей английского руководства. Значительное место в этом плане отводилось экономической блокаде. Такая точка зрения бытовала не только в 1939—1940 гг. 15 лет спустя известный английский историк, специалист по внешней политике, профессор Ллевеллин Вудворд в лекции, прочитанной на объединенном заседании Лондонской школы экономических и политических наук и Королевского института международных отношений 24 мая 1955 г., заявил, что всякие разговоры о «странной войне» абсурдны, ибо в то время речь шла просто о том, чтобы нанести поражение Германии посредством блокады. Политику бездействия в начальный период войны Вудворд туманно объяснял стремлением правительства Чемберлена соблюсти какие-то «наивысшие стандарты «права»»¹⁰. Некоторые крупные английские политические руководители, ответственные за политику «странной войны», вообще умалчивают об этом бесславном времени. Так, в частности, поступает лорд Галифакс, о чем свидетельствуют его мемуары¹¹.

Попытаемся разобраться в том, какую роль была призвана сыграть экономическая блокада в начавшейся войне, и что именно произошло в действительности.

При разработке вариантов ведения войны против Германии как англичане, так и французы уделяли значительное внимание экономическому наступлению. Еще в апреле 1939 г. было решено, что оно на первоначальной стадии войны будет основным оружием борьбы против Германии и ее союзников. Экономическое наступление должно было состоять из двух взаимодополняющих частей: экономической блокады и разрушения экономической жизни противника путем систематических мощных бомбовых ударов по важнейшим немецким экономическим центрам и коммуникациям. Однако уже в самом начале войны второй важнейший составной элемент экономического наступления — бомбардировки — отпал в результате решения союзников о «перемии в воздухе»¹². Таким образом, осталась лишь экономическая блокада.

⁹ A. Bryant. The Turn of the Tide. London, 1957, p. 62—63.

¹⁰ «International Affairs», vol. XXXI, July 1955, № 3.

¹¹ E. Halifax. Fulness of Days. London, 1957.

¹² Не лишены интереса попытки английской и французской сторон переложить ответственность за принятие такого решения друг на друга. Посол США в Париже

Мероприятия по осуществлению блокады разрабатывались и координировались специально созданным в Англии министерством экономической войны во главе с Кроссом. Наиболее действенной мерой было бы прекращение снабжения Германии необходимым стратегическим сырьем и, прежде всего, нефтепродуктами и железной рудой. По оценке английских экспертов запасы нефтепродуктов в Германии на 1 сентября 1939 г. не превышали 3 млн. т, а вместе с нефтью, поступавшей из других стран, главным образом из Румынии, считалось, что общие запасы нефтепродуктов в первые полгода войны превысят 6 млн. т при потребности в 5 млн. т¹³. Совет по жидкому топливу, производивший соответствующие выкладки, установил также, что Германия может получить из Румынии в первый год войны 2 млн. т.

На деле оказалось, что запасы Германии к началу войны составляли немногим больше 2 млн. т, т. е. гораздо меньше, чем предполагали англичане. Однако быстрый разгром Польши несколько поправил германские дела не только вследствие захвата польских запасов нефтепродуктов, но главным образом благодаря тому, что было израсходовано гораздо меньше горючего, чем это предполагалось.

Какие же меры приняло английское правительство, чтобы создать в Германии «нефтяной голод»? Удалась ли блокада Германии в этом смысле? В результате действий Англии доля Германии в закупках румынской нефти сократилась до 150 тыс. т нефти в месяц. Однако это сокращение не вызвало «нефтяного голода». Интересно отметить при этом серьезную роль американских монополий в снабжении Германии румынской нефтью. В донесении германской миссии в Румынии от 29 марта 1940 г. говорится об этом совершенно определенно: «Неверно, что американские нефтяные компании не снабжают нас. Напротив, «Ромына-Американа» — один из наших главных поставщиков»¹⁴. Более того, гитлеровцы рассчитывали, что румынский премьер Татареску прямо или косвенно добьется согласия английских и французских нефтяных компаний на продажу нефти Германии¹⁵. Так продолжалось вплоть до лета 1940 г., когда Румыния открыто перешла в стан гитлеровской Германии и все ее естественные богатства, в том числе и нефть, стали поглощаться германской военной машиной. Попытка английских диверсионных групп вывести из строя нефтепромыслы в Плоешти потерпела неудачу. Несмотря на некоторое сокращение поставок румынской нефти в Германию в начальный период войны, это не могло оказать существенного влияния на военно-экономическое положение Германии, так как затишье на фронтах, отсутствие активных боевых операций решительно снижало потребление горючего. Нефтяная блокада Германии могла быть успешной только в результате сочетания блокады с актив-

В. Буллит сообщал госдепартаменту 13 сентября 1939 г., что во время переговоров (12 сентября) Даладье предложил Чемберлену, чтобы английская авиация подвергла бомбежке военные объекты в Германии, в том числе мосты через Рейн. Чемберлен высказался против, мотивируя отказ опасениями спровоцировать со стороны германской авиации ответные бомбардировки Англии и особенно английских авиазаводов, а также неблагоприятным впечатлением, которое бомбежки могут создать в США. Даладье заметил, что такая позиция предоставляет германской авиации полную свободу действий в отношении Польши. На это английский премьер ответил: «Польша потеряна в любом случае». — «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1939» (далее — FR, 1939), vol. I. Washington, 1956, p. 424—425. С другой стороны, посол США в Лондоне Кеннеди в донесении от 15 сентября сообщал о своей беседе с английским военным министром Хор-Белиша следующее: «Я спросил его о воздушных силах, и он сказал, что Гамелен не хочет использовать союзные воздушные силы в Польше». — FR, 1939, p. 427. Таким образом, ни Англия, ни Франция не желали вести на этом этапе воздушную войну против Германии, но каждая из сторон старалась переложить ответственность за последствия такого решения на другую.

¹³ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II, p. 73.

¹⁴ «Documents on German Foreign Policy» (далее — DGFP), Series D, vol. IX, № 21, p. 41.

¹⁵ DGFP, vol. IX, № 21, p. 42.

ными боевыми операциями на земле и в воздухе, которые, как известно, не осуществлялись. Тем самым и попытка лишить Германию нефти была с самого начала обречена на провал.

Более или менее энергичные действия английское командование осуществляло на море, где Англия обладала неоспоримым превосходством. Была установлена целая система борьбы с провозом в Германию различного рода материалов и товаров, именуемая контролем над контрабандой. На Британских островах были созданы базы для борьбы с контрабандой по двум главным направлениям: в западном (Атлантический океан) с контрольным пунктом осмотра судов в Гибралтаре и в восточном (Средиземное море) с контрольными постами в Порт-Саиде и в Хайфе. Главная задача заключалась в перехвате судов нейтральных государств и их осмотре.

По введенной англичанами системе судовладельцы нейтральных государств должны были заранее посылать в Англию справку о товарах, которые погружены на данное судно и гарантировать, что данный товар не будет реэкспортирован в другую страну. Иногда английские власти требовали дополнительного обязательства от владельцев передать в порты союзников те товары, которые по решению Комитета по контрабанде должны быть изъяты.

В начале декабря 1939 г. для стран американского континента, и в первую очередь для США, Аргентины, Бразилии и Уругвая, была введена система «морского паспорта». Суть этой системы заключалась в следующем. Экспортеры представляли заранее в соответствующие английские представительства список товаров, которые они собирались вывезти в европейские страны. Эти списки рассматривались затем в министерстве экономической войны. На те группы товаров, которые не подлежали изъятию как контрабандные, выдавался коммерческий паспорт. Такая система получила официальное признание со стороны США, однако у части американских предпринимателей она вызывала много возражений. Ее рассматривали как покушение на свободу морей, гарантированную международным морским законодательством, как вмешательство в дела нейтральных государств. В частности, осмотр английскими властями американских торговых судов привел к резкому обострению англо-американских отношений в начале 1940 г. Тем не менее система контроля, введенная в Англии зимой 1939—1940 гг., была узаконена по всей Британской империи. Об эффекте экономической блокады на море в первые месяцы войны свидетельствуют следующие данные, сообщенные министром экономической войны Кроссом в парламенте. За первые шесть недель войны было перехвачено 338 тыс. т груза, который, как подозревалось, предназначен был Германии. Он включал более 76 тыс. т нефтепродуктов, 65 тыс. т железной руды, 38 тыс. т марганца и т. п.¹⁶ За первые три месяца войны было захвачено более 476 тыс. т различных грузов¹⁷.

Система контроля и захвата товаров, направлявшихся в Германию, не могла, разумеется, сыграть сама по себе значительную роль в борьбе с гитлеризмом. Достаточно сказать, что лишь из Швеции немцы вывозили перед войной около 9 млн. т железной руды¹⁸. Это показывает, сколь незначительным был ущерб, причиненный подобными мероприятиями германской военной экономике.

Серьезную брешь в экономической блокаде пробивала и сама Англия, старавшаяся удержать Италию от вступления в войну на стороне Германии. Итальянская промышленность не только получала с согласия Англии уголь из Германии, но также и сырье из Англии, которое использовалось для военных приготовлений. В письме Гитлеру от 3 января 1940 г. Мус-

¹⁶ «Parliamentary Debates, House of Commons», 25.X.1939, vol. 352, col. 1411—1412.

¹⁷ «Parliamentary Debates», vol. 355, col. 684.

¹⁸ См. И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 408, приложение № 17.

солини констатировал: «Существование этих коммерческих отношений позволяет нам приобретать такое сырье, без которого мы не можем завершить наши военные приготовления. Поэтому Германия в конечном счете извлекает из этого выгоду»¹⁹.

Таким образом, на практике политические цели и военно-экономические планы Англии сталкивались между собой к явной выгоде фашистских союзников.

Частью экономической войны против Германии должны были стать экономические соглашения военного времени с нейтральными государствами. Главная задача такого рода соглашений, как пишет английский историк Медликотт, состояла в том, чтобы заставить нейтральные государства не реэкспортировать товары, закупленные у союзников, в Германию, а также, чтобы продажа нейтралами своих товаров в Германию не превышала довоенного уровня²⁰. Со своей стороны, Англия соглашалась в каждом конкретном случае облегчать прохождение товаров, покрываемых соглашением, через контроль и не предъявлять требований индивидуальных гарантий против экспорта. В первые месяцы войны переговоры о заключении соответствующих соглашений велись с Норвегией, Швецией, Данией, Исландией, Бельгией, Голландией, Швейцарией, Венгрией, Грецией. Переговоры по торговым вопросам проводились с Италией, Турцией, Испанией, Португалией, а также с СССР. Однако несмотря на то, что в декабре были подписаны соответствующие соглашения со Швецией и Бельгией, а в марте 1940 г. — с Норвегией, Голландией и Данией, серьезного практического значения соглашения эти не имели, так как последовавшее в апреле германское вторжение в Скандинавию, а в мае наступление на Западном фронте полностью изменили обстановку. Но эти соглашения интересны все же тем, что они характеризуют методы ведения экономической войны и свидетельствуют о крайней недалекости политического руководства Англии того периода, строившего все свои расчеты на возможности пассивной войны.

По той же причине оказались малоэффективными и попытки Англии нанести удары по экономике Германии путем массовых закупок продовольствия и сырья на Балканах и поощрения там английского экспорта. С этой целью в апреле 1940 г. была создана специальная организация под названием «Коммерческая корпорация Соединенного королевства»²¹, которой правительство выделило специальные, но довольно ограниченные средства.

По-видимому, в задачу этой компании входили не только единовременные закупки сырья и продовольствия, но и подготовка необходимых условий для усиления английской экономической экспансии в Юго-Восточной Европе также и в послевоенный период. Английские эмиссары, в частности лорд Ллойд, старались убедить правительства на Балканах, что экономические интересы Англии будут носить здесь долговременный характер. В Берлине были весьма озабочены стремлением Англии выбить Германию с занятых ею экономических позиций на Балканах. В инструкции директора департамента экономической политики германского МИД Вилля от 9 апреля 1940 г., переданной немецким торговым миссиям в Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии и доведенной также до сведения миссий в Греции и Турции, говорилось о необходимости решительной борьбы с деятельностью «Коммерческой корпорации Соединенного королевства»²². Однако мероприятия англичан на Балканах не достигли поставленной цели.

¹⁹ DGFP, vol. VIII, № 504, p. 605.

²⁰ W. N. Medlicott. The Economic Blocade, vol. I. London, 1952, p. 55.

²¹ Ibid., p. 59.

²² DGFP, vol. IX, № 74, p. 108—109; см. также донесение германского посла в Бухаресте Фабрициуса германскому МИД от 22 апреля 1940 г. о беседе с румынским министром иностранных дел Гафенку. — DGFP, vol. IX, № 148, p. 215, а также сообщение Клодиуса из Софии от 3 мая 1940 г. — DGFP, vol. IX, № 191, p. 273—274.

Как вспомогательные средства, сопровождавшие активные операции против Германии на Западном фронте, они могли бы сыграть положительную роль. Но при отсутствии активных действий на военном театре эти меры превращались в единственные и, разумеется, не могли привести к желаемому результату.

Незначительный эффект экономической блокады в этот период объяснялся также и неудачей координации соответствующих мер с Францией. С самого начала войны была сделана попытка тесно сотрудничать с французским союзником в осуществлении экономической блокады. В Лондон была послана специальная миссия французского министерства блокады. Но успехи в координации методов экономической войны были незначительны²³.

Германия продолжала в этот период наращивать военно-экономическую мощь. 29 ноября 1939 г. Гитлер издал директиву о ведении экономической войны. Меры борьбы с Англией, предписываемые директивой, заключались в минировании английских территориальных вод и в блокировании основных морских портов. В то же время Германия воздерживалась до поры до времени от неограниченной войны на море. Причины этого заключались прежде всего в намерении гитлеровцев не расширять театра военных действий, не обострять отношения с нейтральными государствами и особенно с Соединенными Штатами до завершения подготовки генерального наступления на Западном фронте²⁴.

Вообще отношение США к войне в Европе весьма беспокоило гитлеровскую верхушку и оказывало в первый период войны большое влияние на их планы. В меморандуме Вейдзекера от 12 сентября 1939 г. подчеркивалось: «В связи с возникновением войны с Польшей, Британской империей и Францией наши отношения с Соединенными Штатами Америки приобрели еще большую важность, чем до сих пор. Мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы помешать Соединенным Штатам использовать свое влияние в интересах наших врагов, и мы должны сделать все, чтобы удержать США в группе нейтральных держав, наиболее сильным и важнейшим членом которой до сих пор США являются, несмотря на их враждебность»²⁵.

Однако этот вопрос уже выходит за пределы данной статьи.

БОРЬБА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ ПО ВОПРОСУ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Недовольство политикой Невилля Чемберлена к началу второй мировой войны охватило не только оппозиционные политические партии и группы, но и значительную часть консервативной партии. Такие известные деятели консерваторов, как У. Черчилль, Л. Эмери, А. Иден, Э. Спирс, в продолжение длительного времени расходились с лидером консервативной партии и главой правительства по многим вопросам внешней политики. Они не верили, что Н. Чемберлен, приведший Англию к войне в весьма неблагоприятных для нее условиях, способен в военное время быть энергичным лидером.

Черчилль и несколько разделявших его взгляды видных деятелей консервативной партии выражали интересы той части английской буржуазии, которая была тесно связана с эксплуатацией обширных колониальных владений Англии. Уже в 1933—1934 гг. группа Черчилля (наименование это, разумеется, довольно условное) выступала за осуществление обширной программы вооружений. Она считала, что только хорошо вооруженная Британская империя может отстаивать свои интересы от покушений соперников, прежде всего — Германии и Японии. Черчилль вовсе не исклю-

²³ W. N. Medlicott. The Economic Blocade, vol. I, p. 136.

²⁴ DGFP, vol. VIII, № 137, p. 137.

²⁵ DGFP, vol. VIII, № 56, p. 53.

чал возможности и даже желательности соглашения с фашистскими государствами на антисоветской основе. Однако выгодное для Англии соглашение с фашистскими государствами и прежде всего с Германией могло быть, по его мнению, заключено только хорошо подготовленной в военном отношении Англией. Гитлеровская Германия, рассуждали представители консервативной оппозиции, признает только силу и поэтому вести переговоры с ней, заключать соглашения без ущерба для себя может только сильный партнер. Таким образом, первой предпосылкой к соглашению с Германией была «тяжело вооруженная» Британская империя. Вторая предпосылка состояла, по их мнению, в том, чтобы любое заключенное соглашение с Германией основывалось на твердых гарантиях, что Германия не использует, в конечном счете, выгоды, полученные в результате подобного сговора, против Великобритании. На таких условиях консервативная оппозиция была готова приветствовать сговор с Германией против СССР. Однако проводимая официальным руководством консервативной партии политика «невмешательства», означавшая резкое усиление фашистских держав в ущерб Англии и Франции, сильно беспокоила консервативную оппозицию.

Выдача гитлеровцам Австрии, а затем Чехословакии подтвердила их самые худшие ожидания. После 15 марта 1939 г. они уже не сомневались в том, что война неизбежна. И это вынуждало их искать союзников, при помощи которых можно было бы заставить Германию воевать на два фронта. Таким реальным союзником мог быть только Советский Союз.

Вот почему Черчилль во время англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. настаивал на незамедлительном заключении военного союза между Англией, Францией и Советским Союзом²⁶. Однако правительство Чемберлена сорвало заключение этого союза. Вскоре Германия напала на Польшу, и началась вторая мировая война. Теперь вопрос стал по-другому: речь шла либо о победе, либо о поражении. Консервативная оппозиция отдавала себе отчет в том, что любая попытка достигнуть сговора с фашистской Германией в условиях уже начавшейся войны неминуемо приведет к выигрышу для Германии, к дальнейшему ослаблению английских позиций и, в конечном счете, к капитуляции перед германскими требованиями, к распаду Британской империи. И это обстоятельство заставляло оппозицию все решительнее выступать против руководства консервативной партии, которое и во время войны пыталось продолжать мюнхенскую политику.

Одна из важнейших особенностей политического развития Англии в рассматриваемый период заключалась, по нашему мнению, в постепенном усилении и определенной консолидации сил, выступавших против продолжения мюнхенской политики. Эти силы по своему классовому составу были далеко не однородны. Безусловно первостепенное значение имела позиция народных масс. С их отношением к вопросам, волновавшим страну, не могли не считаться наиболее дальновидные круги английской буржуазии. Стремления же масс находились в резком противоречии с политикой военного кабинета Н. Чемберлена. Народ требовал решительных действий против гитлеровской Германии. Коммунистическая партия выступала за устранение из правительства мюнхенцев и против империалистических целей в войне. В создавшихся условиях борьба против мюнхенцев должна была объективно способствовать созданию антифашистской коалиции и таким образом помочь осуществлению исторической задачи, которая не была решена перед началом войны в 1939 г. Весьма удачно, на наш взгляд, эта точка зрения сформулирована польским историком Стефаном Боратынским, хотя, по-видимому, он имеет в виду только оппозицию мюнхенцам среди буржуазии. Умолчание об оппозиции мюнхенцам, подчеркивает Боратынский, «не позволяет понять, каким образом убеждение в необхо-

²⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. Boston, 1948, p. 349.

димости эффективного сотрудничества с Советским Союзом приобретало в ходе исторического развития все большее значение в западных странах. Нельзя также поить, каким образом эта платформа, которая первоначально провозглашалась оппозицией, стала, несмотря на фактические аптисоветские намерения наиболее влиятельных кругов буржуазии, официальной политикой правительственных кругов»²⁷.

Упрямое нежелание Н. Чемберлена считаться с фактами и признать провал проводимой им роковой политики сговора с гитлеровской Германией ярко проявилось в его выступлении в палате общин 2 сентября 1939 г. В Польше уже второй день шли кровопролитные бои. Поляки надеялись, что их союзники — Франция и Англия немедленно придут на помощь. И вот в этот трагический момент депутаты парламента слышали от главы кабинета, что Англия все еще ожидает от Германии ответа на свою ноту от 1 сентября, что Англия выступит против Германии, если последняя откажется вывести свои войска из Польши. Премьер выразил также сожаление, что Гитлер «предал» надежды на мир.

Вот как описывает реакцию на речь Чемберлена консервативный депутат Э. Спирс: «Члены парламента словно окаменели. Удар был таков, что на момент не было слышно другого движения, кроме звука, когда премьер-министр сажился на свое кресло. Ни одного «слушайте, слушайте» не могло быть выдвинуто из переполненного собрания.

Затем послышалось что-то вроде гула. Кто-то был предан. Кто? Конечно, поляки, а также и мы. Кем? Французами? Нашим собственным правительством? Было немисливо, чтобы кто-нибудь поверил, будто Гитлер повернет назад. Было несерьезно, чтобы кто-либо, кто не был склонен к капитуляции, мог вести с немцами переговоры, которые привели бы только к дальнейшему военному выигрышу немцев»²⁸.

Члены парламента потеряли свою обычную сдержанность. Когда заместитель лидера лейбористов А. Грипвуд поднялся на трибуну, чтобы выступить от имени своей партии, консерватор Л. Эмери воскликнул: «Говорите от имени Англии!», показывая тем самым, что глава кабинета и лидер его собственной партии потерял доверие.

Как известно, на следующий день, 3 сентября, Англия, а вслед за нею и Франция объявили войну Германии. По требованию консервативной оппозиции, которая опиралась на поддержку других политических партий и вообще на общественное мнение страны, Чемберлен был вынужден провозвести некоторую реорганизацию правительства, введя в него У. Черчилля и А. Идена, известных противников чемберленовского внешнеполитического курса. Черчилль получил портфель морского министра. Иден стал министром по делам доминионов²⁹.

Лейбористы и либералы отклонили предложение Чемберлена войти в правительство и образовать коалиционный кабинет.

Позицию лейбористской партии ее лидер Клемент Эттли позднее объяснял следующим образом: «Я также думал, что партия была совершенно права, не вступая в правительство, так как рядовые лейбористы не верили в Чемберлена и в его ближайших сотрудников... В то же время мы предложили нашу полную поддержку в военных усилиях, как это мы в действительности делали до возникновения войны... Мы вступили затем в

²⁷ С. Боратынский. Дипломатия периода второй мировой войны. М., 1959, стр. 37.

²⁸ E. Spears. The Assignment to Catastrophe, vol. I, London, 1954, p. 20.

²⁹ Военный кабинет, сформированный 3 сентября 1939 г., состоял из следующих лиц: Н. Чемберлен — премьер, Д. Саймон — министр финансов, Э. Галифакс — министр иностранных дел, С. Хор — лорд-хранитель печати, адмирал флота лорд Чатфилд — министр по координации обороны, У. Черчилль — морской министр, Хор-Беллиш — военный министр, Кингсли Вуд — министр авиации, лорд Хэнки — министр без портфеля. Саймон, Галифакс и Хор составляли группу, которая ведала вопросами внешней политики военного кабинета. Как видим, в военном кабинете преобладающую роль играли монархисты.

период, известный как «странная война». Мы относились критически к мерам, предпринятым правительством, которые мы даже приблизительно не считали достаточными»³⁰.

Подобной же линии придерживалась и либеральная партия. 8 сентября между буржуазными партиями было заключено «политическое перемирие» на время войны. Оно означало, что партии, не входящие в правительство, будут оказывать ему поддержку в военных усилиях. Кроме того, партии отказывались от избирательной борьбы на дополнительных выборах в парламент. Вакантные места должны были заполняться той партией, которой они принадлежали ранее³¹.

Уже первые назначения на ответственные посты показывали, что правительство, по-видимому, плохо отдаст себе отчет в угрожающем положении, в котором находится страна. 6 сентября при кабинете был создан комитет по военным вопросам под председательством известного мюнхенца Сэмюэла Хора (позднее лорд Темплвуд). Наибольшую опасность Хор видел не в стратегии пассивного ожидания, на путь которой вступили Англия и Франция, а в решительном настроении народа, требовавшего действий, действий и еще раз действий. В письме английскому послу в Вашингтоне лорду Лотиану от 25 сентября 1939 г. Хор не скрывал своей досады поведением «человека с улицы» (так именует он простых людей Англии). «Страна,— писал Хор,— настроена весьма решительно. Одна из опасностей в действительности заключается в том, что человек с улицы проявляет нетерпение и думает, что мы действуем слишком медленно»³².

В своих мемуарах, опубликованных в 1954 г., Хор выступает решительным апологетом политики военного кабинета Чемберлена в первые месяцы войны: «Не вызывает сомнения,— отмечает он,— что этот странный период ожидания, который стал известен как «странная война», представлял большую ценность для страны, в которой тотальная мобилизация была до сих пор практически неосуществимой, но вместе с тем возникла трудная проблема сохранения на высоком уровне воли к сопротивлению в то время, когда было мало чему сопротивляться»³³. Таким образом, по Хору получается, что период «странной войны» был неизбежен в английских условиях. Такое объяснение весьма удобно для тех, кто несет прямую ответственность за то, что политика «странной войны» привела к оккупации Германией значительной части Европы и поставила Англию на грань катастрофы. В глазах мюнхенской группы начавшаяся война оставалась досадной случайностью. В силу своей реакционности и классовых симпатий они так и не поняли то, что сразу же стало понятным английскому народу: Германия не просто старинный враг, нынешняя Германия — угроза мировой цивилизации.

Нельзя не отметить, что политика «странной войны» вызывала осуждение и со стороны некоторых членов правительства Чемберлена, не входивших в оппозицию. Как сообщал госдепартаменту американский посол в Лондоне Кеннеди, военный министр Хор-Белиша заявил ему следующее: «Старики в кабинете тратят все свое время на обсуждение текстов коммюнике вместо того, чтобы подготовить страну для ведения большой войны... Он (Хор-Белиша.— А. Н.) чувствует, что Англия до сих пор относится к этому делу (к войне.— А. Н.) недостаточно серьезно и что должна быть проведена мобилизация всех мужчин, способных к несению военной службы, женщины должны пойти на работу в промышленность, а последнюю необходимо поставить под контроль правительства»³⁴. В январе 1940 г. Чемберлен предложил Хор-Белиша подать в отставку.

В мае 1940 г., когда ясно обнаружился полный провал военного каби-

³⁰ C. R. Attle. As it Happened. London, 1954, p. 105.

³¹ «The Times», 8.IX.1939.

³² S. Hoare. Nine Troubled Years. London, 1954, p. 400.

³³ Ibidem.

³⁴ FR, 1939, vol. I, p. 426—427.

нета Чемберлена, взаимосвязь между предвоенной политикой и политикой «странной войны» выступила настолько отчетливо, что в лейбористской партии раздавались голоса, требовавшие очищения высших государственных учреждений от лиц, повинных в политике Мюнхена и «странной войны». В первую очередь называли Галифакса, Саймона и Хора. Несмотря на это, не кто иной, как Уинстон Черчилль, для которого моральная ответственность этих людей и самого лидера консервативной партии Невилля Чемберлена не могла вызывать сомнения, решительно выступает в их защиту ради спасения престижа консерваторов, аргументируя свою сугубо партийную позицию интересами национального единства³⁵.

Продолжая поддерживать политику консервативной партии в целом, консерваторы-оппозиционеры тем не менее стали готовиться к «дворцовому перевороту». К этому их торопили две явно вырисовывавшиеся по мере развития событий опасности. Первая заключалась в том, что «странная война» деморализовывала народ, подрывала его волю к сопротивлению.

Как упоминалось выше, в самые первые недели войны широкие массы английского народа ожидали, что правительство будет вести решительные и активные действия против Германии. Поэтому они были готовы мириться с теми неизбежными ограничениями обычной жизни, которые принесла с собой война. Но шли дни, росло количество чрезвычайных распоряжений, ограничений, а войны как будто и не бывало. После поражения Польши гитлеровцы начали «мирное наступление», заявляя, что они готовы к переговорам о мире. Печать оживленно обсуждала такие возможности. В результате создавалась атмосфера, когда у людей, только что горевших желанием воевать с фашистами, зарождалось чувство успокоенности — ведь из дня в день печать и радио твердили, что Гитлер понес в Польше огромные потери и поэтому боится выступить на Западе; положение в Германии настолько плохо, что вряд ли гитлеровский режим переживет наступающую зиму. Оставалось ждать победы, подобно падающей с неба манны. Такая обстановка объясняла в большой мере тот факт, что в первые четыре месяца войны популярность Чемберлена была еще значительна^{35a}. Постепенно возникало раздражение ограничениями военного времени, которые казались ненужными и излишними, рождалась пассивность, утрата чувства реального. Подобные настроения ловко использовались теми, кто по разным причинам и в разной форме были не прочь вступить в переговоры с гитлеровской Германией.

В начале октября 1939 г. появились признаки распространения пораженческих настроений в стране. По свидетельству биографа Н. Чемберлена Кейта Фейлинга, три четверти писем, полученных премьером в первые несколько дней октября, призывали его прекратить войну³⁶. Особенно показательными были настроения в самой палате общин. 3 октября Ллойд Джордж произнес пораженческую речь, в которой предлагал тщательно рассмотреть любые предложения о мирном урегулировании, даже в том случае, если они будут исходить от Гитлера. Это был весьма тревожный симптом. При горячем одобрении большинства палаты он получил отповедь со стороны консерватора Дафф Купера и лейбориста Дэя Гренфелла³⁷.

Вторая опасность заключалась в том, что практические действия кабинета не отвечали требованиям момента и угрожали стране новыми бедами.

Стремление к «дворцовому перевороту» среди консерваторов отражало одновременно их глубокую озабоченность дальнейшей судьбой партии и боязнь открытого выступления «человека с улицы» против правительства. Последнее обстоятельство удерживало их от перехода к активной борьбе против правительства.

³⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1951, p. 9—10.

^{35a} A. and V. Toynbee. The Initial Triumph of the Axis. London, 1958, p. 263.

³⁶ K. Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 424.

³⁷ «Parliamentary Debates», 3.X.1939, vol. 351, col. 1870—1874, 1878—1879, 1880—1881.

Консерваторы-антимюнхенцы все теснее группировались вокруг Идена и Эмери. Их негласным руководителем и вдохновителем оставался У. Черчилль, который, однако, предпочитал до поры до времени держаться в тени. Каждую среду консерваторы-оппозиционеры собирались на обед в штаб-квартире консервативной партии — Карлтон-клубе. Кроме того, под председательством лидера либералов Клемента Дэвиса, при участии членов парламента Ратбона, Бутби, Эмери, Хорабина была создана группа действия из представителей всех партий. «Эта группа,— по свидетельству Эмери,— ...представляла полезный форум для более непринужденных и доверительных бесед, чем те, которые происходили в помещении палаты общин, или для обращения по специальным вопросам войны к руководящим властям»³⁸. Под председательством того же Дэвиса в либеральном Реформ-клубе собирались оппозиционно настроенные члены палаты общин, обсуждавшие экономические аспекты войны. Характерно, что эти и позднее возникшие оппозиционные кружки и не думали опереться на широкое общественное мнение страны, открыто выступив против правительства. Они предпочитали постепенно перетягивать на свою сторону одного члена парламента за другим и ожидали подходящего момента, чтобы во время парламентских прений свалить Чемберлена в соответствии с английскими парламентскими традициями.

В апреле 1940 г. недовольные консерваторы создали наблюдательный комитет под председательством лидера консерваторов в палате лордов Солсбери. В комитет вошли видные деятели консервативной партии — представители обеих палат парламента³⁹. Комитет собирался еженедельно, обсуждая вопросы ведения войны. Конкретные предложения передавались премьеру Чемберлену через Солсбери. Наблюдательный комитет постепенно превращался в штаб консервативной оппозиции, составлявший планы отставки Чемберлена и реорганизации правительства. Разногласия между правительством и консервативной оппозицией шли главным образом по линии методов ведения войны. Острые споры вызвал вопрос о бомбежках военных объектов в Германии. В воздухе по-прежнему царил «неремийе», что было на руку гитлеровской Германии, занятой подготовкой к решающему наступлению на Западе и беспрепятственно производившей переброску войск и военных материалов на главные оперативные направления. «Мы решили,— пишет Эмери,— ...положить конец безумной тактике не трогать германские аэродромы, в то время как наши войска в Норвегии терпят поражение из-за германского превосходства в воздухе. Информация, которую мы получали от нашего коллеги С. С. Гаммерслея, от Джорджа Ллойда и из других источников, раскрыла прискорбную историю нерешительности и неразберихи в вопросе о танках. Спустя почти восемь месяцев после начала войны тяжелый танк не был сконструирован, и наши экспедиционные силы не имели ничего, кроме танковой бригады с 17 легкими и 100 «пехотными» танками. Но частные представления Солсбери Чемберлену не произвели никакого впечатления на последнего, в то время как ответы Галифакса депутации нашей главной организации заставили даже всегда вежливого Солсбери резко сказать «мы не удовлетворены»»⁴⁰.

Престиж лидера консервативной партии падал с каждым днем, в том числе и в глазах его прежних сторонников. В ноябре Н. Чемберлен выступил в «комитете 1922 г.» с докладом о военном положении⁴¹. Речь лидера

³⁸ L. S. Amery. My Political Life, vol. III, p. 339.

³⁹ Наблюдательный комитет состоял из лордов (Сесил Хорн, Хэлшем, Ллойд, Суинтон, Лондондерри, Трейчард и Трент) и членов палаты общин (Леонард Эмери, Волмер, Джеффри Эллис, сэр Джозеф Нелл, Гарольд Макмиллан, Гарольд Никольсон, генерал-майор Э. Спирс, Ричард Лью, Патрик Спенс, Эмрис-Эванс).

⁴⁰ L. S. Amery. My Political Life, vol. III, p. 356.

⁴¹ Ibid., p. 354—355. В 1922 г. после разрыва коалиции с либеральной партией в палате общин был создан частный комитет членов парламента-консерваторов, называемый иначе «комитетом 1922 года». В комитет входили члены парламента —

своей ограниченностью произвела тяжелое впечатление на всех присутствующих. В середине декабря на секретной сессии парламента действия Чемберлена были подвергнуты резкой критике. Положение в стране, создавшееся в конце января 1940 г., У. Черчилль оценивал позднее следующим образом: «Мало что было, однако, сделано, и чувство, что мы находимся в положении чрезвычайной опасности, отсутствовало. Среди лейбористов и тех, кто руководил производством, точно так же, как и среди тех, кто вел военными операциями, царило «сумеречное» настроение»⁴².

Это настроение свидетельствовало о падении авторитета правительства, который, естественно, был необходим для успешного ведения войны, и о недовольстве его порочной «большой стратегией». Появились зловещие симптомы безразличия со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями.

Распущенные профашистские общества начали возникать под другой вывеской. В октябре 1939 г. бывшие члены «Линка» создали организацию под названием «Британский Совет за христианское урегулирование в Европе», который вел пораженческую пропаганду⁴³.

В феврале 1940 г. профашистские элементы срывали выступления министров на общественных митингах. В связи с этим лейбористский депутат Ведикуд с негодованием заявил в палате общин, обращаясь к министру внутренних дел Джону Андерсону: «Если бы высокочтимый джентльмен узнал, что те, кто срывает митинги, являются коммунистами, то эти люди были бы мгновенно разогнаны, а не разгоняют их именно потому, что они фашисты»⁴⁴. Профашистские элементы выступали с пропагандой ненужности войны и с требованиями заключения мира, что в тех условиях могло оказаться равносильным капитуляции. На ряд запросов в парламенте, последовавших со стороны депутатов (например, Хорабина, Спирса), члены правительства отвечали уклончиво⁴⁵.

Выступая в палате общин 26 сентября 1939 г., консерватор Вивьен Адамс заявил об опасности, исходящей от внутренних врагов — профашистских обществ «Линк» и «Англо-германского содружества». В своей речи Адамс решительно осудил «The Times» за пораженческий дух и за подстрекательские статьи, направленные на вовлечение Англии в войну с СССР⁴⁶. Тревога эта была не напрасной. Имелось много признаков того, что в центральных правительственных учреждениях, да и в самом правительстве действуют влиятельные силы, готовые в благоприятный момент и на приемлемых условиях попытаться организовать сговор с гитлеровской Германией. При этом они заранее соглашались на признание аншлюса и присоединение Судетской области. Вот что было напечатано в одной из английских листовок, сброшенных над Германией в первые дни войны: «Эта война совершенно не нужна. Германии никто не угрожает и не отказывает в справедливости. Разве Германии не была предоставлена возможность возвратить себе Рейнскую область, достигнуть аншлюса и получить Судеты мирным путем?»⁴⁷.

Другой пример. В конце 1939 г. из кругов консерваторов поступило предложение правительству, чтобы бывший английский посол в Берлине Хорас Ремболд выступил по радио на Германию. Однако предложение было отвергнуто на том основании, что Ремболд зарекомендовал себя «антигерманцем»! Точно так же было запрещено выступать по радио на

представители консервативной партии. Задача комитета состояла в том, чтобы сообщать лидеру партии через председателя комитета о настроениях в партии.

⁴² W. S. Churchill. The Second World War, vol. I, p. 500.

⁴³ «Parliamentary Debates», 19.X.1939, vol. 352, col. 1044.

⁴⁴ «Parliamentary Debates», 8.II.1940, vol. 357, col. 390—391.

⁴⁵ «Parliamentary Debates», 27.IX.1939, vol. 551, col. 1352—53; 12.X.1939, vol. 352, col. 519—520, и др.

⁴⁶ «Parliamentary Debates», 26.IX.1939, vol. 351, col. 1273—1274.

⁴⁷ «Parliamentary Debates», 7.IX.1939, vol. 351, col. 568.

Германию Гарольду Никольсону — известному публицисту-консерватору, так как он, подобно Ремболду, числился «антигерманцем»⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что те круги английской буржуазии, которые выступали за переговоры и за достижение соглашения с гитлеровской Германией, что в тех условиях не могло быть расценено иначе, как пораженчество, занимали одновременно резко враждебную Советскому Союзу позицию. Их пораженчество и открытая антисоветская ненависть были двумя сторонами одной и той же медали. Эти круги составляли ничтожную по количеству, но влиятельную кучку политиков — консерваторов, дельцов Сити, офицеров высших военных учреждений и некоторых лиц из придворно-аристократических кругов. Разумеется, об этом было известно гитлеровцам. В циркуляре министра иностранных дел Германии от 3 ноября 1939 г. говорится: «В некоторых кругах, таких, как двор, вокруг Ллойд Джорджа и его приверженцев, оппозиция войне даже сильнее, чем где бы то ни было в Англии»⁴⁹. Английские пораженцы через тайные каналы поддерживали неофициальные контакты с врагом (сказанное не относится к Ллойд Джорджу)⁵⁰. Логика развития событий была такова, что реакционеры-пораженцы постепенно теряли свое влияние, положение и посты и им на смену приходили сторонники более активного ведения войны. Но их приход произошел только в тот момент, когда многим казалось, что для Англии бьет двенадцатый час.

После заключения советско-финского мирного договора, положившего конец войне, в которой реакционные силы Англии и Франции открыто поддерживали белофиннов, ситуация изменилась. Планы превращения войны против Германии в войну против СССР были сорваны победой Красной Армии. В то же время эти полгода были хорошо использованы гитлеровской Германией для наращивания военной мощи и подготовки решительного удара на Западе. В противоположность Германии дела у англо-французских союзников на Западном фронте шли из рук вон плохо. Британские экспедиционные силы во Франции возросли всего до 9 дивизий. Их боевая подготовка и оснащённость новейшими средствами ведения войны оставляли желать много лучшего. Премьер-министр все больше терял чувство реальности. Убеденный в том, что гитлеровская Германия не выдержит огромного экономического напряжения, которого требует война, он упрямо твердил, что позиция Англии день ото дня становится относительно сильнее, а позиция Германии ослабевает с каждым днем. Выступая в начале апреля 1940 г. в Национальном союзе консервативной партии, премьер-министр к ужасу своих слушателей заявил, что Гитлер уже потерпел неудачу!

Развернувшиеся операции в Норвегии со всей определенностью продемонстрировали тяжелое состояние, в котором оказались английские вооруженные силы, лишенные правильного стратегического планирования и руководства⁵¹. В то время как германская авиация подавляла отчаянные попытки английских войск перейти в наступление, запрещенные бомбить германские аэродромы, изданное в начале войны, продолжало оставаться в силе.

23 апреля правительство внесло на утверждение парламента бюджет, в котором расходы на войну составляли 2 млрд. ф. ст. В то же время ана-

⁴⁸ E. Spears. The Assignment to Catastrophe, vol. I, p. 65.

⁴⁹ DGFP, vol. VIII, № 326, p. 374.

⁵⁰ DGFP, vol. VII, № 74, p. 81—83; № 151, p. 163; vol. VIII, № 1384, p. 134; № 138, p. 140; № 203, p. 224; № 236, p. 261—262; № 318, p. 367; H. G. Seraphim. Das Politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/1940. Göttingen, 1956.

⁵¹ Английский вице-маршал авиации Э. Дж. Кингстон-Макклори пишет: «К огромному сожалению, наше политическое руководство и военное командование отличались поразительной неспособностью решать возникшие тогда военные проблемы». — Э. Дж. Кингстон-Макклори. Руководство войной. Перев. с англ. М., 1957, стр. 112.

логичные расходы Германии составляли 3,2 млрд. ф. ст. И это происходило в тот момент, когда союзники терпели тяжелые поражения в Норвегии. Только теперь консервативная оппозиция перешла к действиям. Было решено дать бой правительству во время предстоявших 7—8 мая парламентских дебатов.

Консервативная оппозиция заручилась поддержкой Дэвиса, лидера либералов, и рассчитывала на поддержку лейбористов, хотя их лидер Клемент Эттли колебался.

Центральным моментом прений 7 мая было выступление консерватора Леонарда Эмери. Подвергнув резкой критике действия правительства, Эмери повторил известные слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту: «Во имя бога, уходите!»⁵². Выступление Эмери нашло поддержку среди многих членов парламента различных политических направлений. Ответная речь премьера, произнесенная на следующий день, в которой он призвал своих друзей голосовать за правительство, произвела тяжелое и неблагоприятное впечатление. Создалось впечатление, что Чемберлен цепляется за власть из личных побуждений в ущерб интересам ведения победоносной войны против Германии. Но дело было, разумеется, не в неудачном выступлении Чемберлена. Полная неспособность правительства правильно оценить ситуацию и в соответствии с ней действовать была ясна. Утром 9 мая собрался наблюдательный комитет под председательством Солсбери. Было принято решение, что Чемберлен должен уйти в отставку. В качестве кандидатов на пост премьера были названы Галифакс, Черчилль, Эмери. После совещания наблюдательного комитета под председательством Дэвиса собрались представители партий, решившие подавляющим большинством голосов не оказывать поддержки правительству Чемберлена и настаивать на создании коалиционного кабинета из представителей консервативной, лейбористской и либеральной партий. На следующий день, 10 мая, пришло известие о вторжении немецко-фашистских армий в Бельгию и Голландию. Но и в этот критический момент Чемберлен пытался использовать сообщение о наступлении немцев, чтобы доказать, что в создавшихся условиях нецелесообразно менять главу кабинета⁵³. Отказ лейбористов войти в любое правительство, возглавляемое Чемберленом, решил исход дела. Правительство Н. Чемберлена рухнуло. Был создан коалиционный кабинет во главе с У. Черчиллем.

Германское наступление на Западном фронте, вторжение гитлеровских полчищ во Францию решительно изменили ситуацию. «Странная война» окончилась. Для Англии возникли новые сложнейшие внутренние и внешнеполитические проблемы.

⁵² «Parliamentary Debates», 7. V. 1940, vol. 660, col. 1150.

⁵³ A. Duff Cooper. *Old Men Forget. The Autobiography*. London, 1954, p. 274.